

Яковлев Г. Вешенские были: Рассказ журналиста о встречах с Шолоховым // Вечерняя Москва. – 2005. – 19 мая

Каким провидцем оказался писатель А. С. Серафимович, когда, будучи редактором журнала «Октябрь», показал почетным гостям Анри Барбюсу и Мартину Андерсену Нексе папку с рукописью и сказал: «Запомните название будущей книги – «Тихий Дон» и автора запомните – Михаил Шолохов. Скоро это имя узнает вся Россия, да и весь мир». Первая часть романа-эпопеи вышла, когда автору исполнилось 23 года...

Не верится, что моему знатному земляку Михаилу Александровичу Шолохову 24 мая исполнится сто лет со дня рождения. Впервые увидел его, когда собкором «Комсомолки» переехал с Донбасса на родную Донщину. И первое задание: в Вешенскую едет Юрий Гагарин, будешь освещать его визит к Шолохову.

Михаил Александрович приехал на станичный аэродром на своем стареньком «пикапе». Загорелый, в легкой рубашке, выгоревшей соломенной шляпе. Под стать ему спускается с трапа и Юрий Гагарин, тоже загорелый, в белой тенниске, да и то – жара за тридцать. Подходит к Шолохову, протягивает руку: – Здравствуйте, Михаил Александрович. Я вас таким и представлял.

– Каким, Юра? – улыбается в короткие усы писатель.

– Ну таким, от народа, а то писатели ведь... – и оглянулся на сопровождающих.

А среди них – писатели и поэты из Москвы, столичные и местные партаппаратчики – человек тридцать, да все в пиджаках и при галстуках.

– Казаки не любят, когда нос задирают, – отвечает Шолохов. – Знаешь что, занимай в моем «броневике» водительское место, космонавт. Посмотрим, к какому причалу ты нас доставишь.

Пять дней в июне 1967 года мы ездили по округе, знакомились с житьем-бытьем в хуторах, на полевые станы заезжали. На одном из них Шолохов подозвал высокого, чернявого комбайнера: «Мишка, расскажи-ка Юрию Алексеевичу, за что я тебя пропесочил»... Тот смущенно заулыбался, снял с головы выцветшую фуражку с красным околышем: «Дак за это самое».

Короче, едет Шолохов из станицы, а навстречу этот самый тракторист. Остановил «газик», спрашивает, куда тот собрался. Казак мнетя: мол, в магазин послали.

– За ней что ли?

– Ну да, за белоголовенькой, привезли надясь.

– Да кто ж в такую жару пьет?

– Эх, Михаил Александрович, дак сорок на сорок...

В другой раз за разговором Шолохов говорит: «Юра, а ведь моя-то творческая биография в Москве начиналась...» И рассказал, как молоденький парнишка с хутора Кружилинский, напечатав в местной прессе несколько донских рассказов, махнул в Белокаменную. Туда-сюда, чужой всем. Устроился мостить Столешников переулок, потом в жилтовариществе на Красной Пресне грессбухи вел. Случай свел его с писателем Серафимовичем, в журнале «Октябрь» так и началось.

...В Вешенскую вечеру приехали. Вся в зелени древняя станица удобно протянулась по берегу Дона, вокруг чисто, привольно. Держат жаркие пески корнями сосновый бор. А когда-то здесь вихрились под постоянными ветрами грязно-желтые песчаные бури. Маялись люди, особенно в страдную летнюю пору, даже станицу переносить собирались. Поехал Шолохов в Москву с коллективным письмом. Пошел прямо к предсовмина Косыгину.

Вскоре создали в Вешенской крупный лесхоз. Тем и спаслись. Много добрых дел за писателем числится, только не вел никто в ту пору арифметику «меценатства». Да и не то слово для той помощи, что оказывал Шолохов землякам... Рассказывал нам Михаил Александрович и о войне. Был Шолохов военным корреспондентом в чине полковника. Писал в «Правду», «Красную Звезду», в «окопные» газеты – «дивизионки». На второй

день войны маршал Тимошенко, тогда нарком обороны, получил из Вешенской телеграмму: «В любой момент готов встать в ряды РККА и до последней капли крови защищать Родину».

Спросил однажды я Михаила Александровича о войне, о романе «Они сражались за Родину». «Ни одна война ничего не создала, – в раздумье сказал писатель. – Тут речь о патриотизме вести надо, воспитывать его с ползункового возраста». А роман Шолохов начал писать в декабре 43-го.

Пригласил его в то время Сталин на Ближнюю дачу, на обед. Застолье человек двенадцать – члены политбюро, военачальники. Сталин и говорит, что, мол, конец войне уже виден, надо бы Михаил Александрович книгу писать. Предложил поехать в Грузию, заодно и отдохнуть.

– Нет, товарищ Сталин, не поеду.

– Это почему же? – удивился Сталин.

– Да вина там много, работать не смогу...

По неприятному поводу пришлось повидаться со Сталиным в 1947 году. Рассказал мне об этом близкий Шолохову донской писатель, тоже фронтовик, Виталий Закруткин. Сразу после войны станицу Вешенскую осаждали «десанты» из братских республик. Конечно же, застолье. Гуляй, казак... А тут еще выступил Михаил Александрович на пленуме Ростовского обкома партии с критикой, что медленно идет восстановление разрушенного фашистами в войну. Те сразу донос в Москву: был, мол, Шолохов нетрезвый, вот и нагородил... Вызывают писателя в столицу. Позвонил ему в полдень помощник Сталина Поскребышев: «Михаил Александрович, никуда не отлучайтесь».

Часа через два пришла за ним машина, приехали в Кремль. Входит автор «Тихого Дона» в кабинет генералиссимуса слегка оробевший. Огляделся – никого нет. Вдруг из противоположной двери выходит Сталин, дымя трубкой, в обычном френче без погон. Прошелся мягко в своих горских сапогах без каблуков, потом подошел, спросил: «Пьете, товарищ Шолохов?» – «Выпиваю», – ответил писатель. От такого прямого ответа вождь, видимо, опешил, сделал паузу, добавил: «Вопрос о вас пока не стоит на Политбюро, но может встать».

Вернулся Шолохов в гостиницу, где его друзья ждали. «Все, други, завязываю». После признался Закруткину: три дня спиртного в рот не брал... А вообще-то грязненькую волну слухов о его загулах распустили недруги и завистники, в том числе и ростовские писатели, которые еще в 40-е годы клязничали на него – и в обком партии, и в Москву. Оттуда даже комиссия приезжала разбираться – как ведет себя в быту автор «Тихого Дона». Уехали ни с чем.

Правда, выговор на бюро Вешенского райкома партии Михаил Александрович однажды схлопотал. Мало кто знает, что, уже будучи лауреатом Нобелевской премии, на пресс-конференции в Париже заступился за Бориса Пастернака, сказав, что роман «Доктор Живаго», изданный во многих странах, следовало бы вначале напечатать в своем доме, а не обливать незаслуженно помоями. Секретарь райкома Петр Маяцкий сказал мне: было указание о выговоре из идеологического отдела ЦК... ..Вспоминаю лето 1957 года. В донскую областную газету «Ленинское знамя» приехал Шолохов. В ней впервые был напечатан рассказ «Судьба человека». На встрече с коллективом писателя спросили, сколько времени он его писал. «Думал об этой теме не один год, – ответил он, – а на бумагу вылился мой Соколов со своей судьбой за два дня». Помолчал, улыбнулся, добавил: «И две ночи».

Впервые стране было рассказано о мытарствах бывшего военнопленного, так схожих с горькой долей сотен тысяч тех, кто зачастую по вине бездарных командиров оказался в гитлеровских лагерях.

И вот однажды получаю я задание из «Комсомолки»: «Пересылаем тебе «закрытую брошюру», в которой китайская пресса разнесла рассказ «Судьба человека». Передай Шолохову, пусть выскажется по этому поводу и даст свою оценку движению

хунвейбинов». Приехал в Вешенскую вечером, через редактора районки передал брошюру писателю.

Утром Михаил Александрович принял меня в своем кабинете на втором этаже.

Неулыбчив. «Расстроила меня эта книжонка, – сказал он. – Вот уж не думал, что моего Соколова предателем посчитали, изменником родины, что ему место в лагере, да и автору – тоже. А писать ничего не буду». Я с молодой горячностью стал было уговаривать Шолохова, надо же, дескать, дать отпор зловредным хунвейбинам.

– Это все наши газеты пишут, а сам я не знаю, что там происходит.

Возможно, идет борьба с бюрократией, пусть даже по-азиатски жестокая, но нужная.

Была у Шолохова московская квартира на Сивцевом Вражке, любил наезжать в столицу.

И всегда в гимнастерке. Но однажды пришлось ему надеть фрак. Это когда в декабре 1965 года поехал в Стокгольм на вручение Нобелевской премии. Сшили его в совминовской спецмастерской, где вождей и дипломатов обшивали. Когда вернулся, сдал непривычную одежду и с облегчением надел гимнастерку. В Вешенской устроил в своем доме большие посиделки – собрались все местные, из «посторонних» пригласил лишь близких писателей – Виталия Закруткина и Анатолия Калинина. Тост такой поднял: «Вручали мне Нобелевскую премию в Золотом зале среди сверкающих драгоценностями гостей. Но должен вам сказать, дорогие товарищи, в вашем обществе мне роднее и теплее...» А из Москвы все звонки-звонки.

Просьба устроить в Ростове пресс-конференцию. Отложил до лета следующего года. И вот с собкорами центральных газет собрались в аэропорт, чтобы лететь в Ростов. Томимся в зале ожидания – жара под сорок.

Наконец, объявили посадку. В самолете ждут взлета около ста журналистов – наших и иностранных, чиновники МИДа. И вдруг сообщение по радио: «По метеоусловиям рейсы на Ростов отменяются».

Позже сотрудник КГБ Геннадий Баранов, впоследствии генерал, доверительно мне рассказывал.

Оказывается, Шолохов приехал накануне пресс-конференции в Ростов. Сел на госдаче играть с обслугой в домино, изрядно принял, наутро опохмелился коньячком, а явившимся за ним обкомовским чиновникам сказал: «Да ну их, не поеду, вопросы всякие начнут задавать, вроде, кто автор «Тихого Дона», надоело». Так и не поехал...

А на своем 80-летнем юбилее Михаил Александрович поднял стакан минеральной воды: «Вот, друзья, казак до чего дошел, вы уж извините».

Похоронили его на краю участка вблизи родного дома, по завещанию, без священников и оркестра.

<http://www.vmdaily.ru/main/viewarticle.php?id=11218>